

ОДИНОЧЕСТВО КАК ОДИН ИЗ СТРЕССОГЕННЫХ ФАКТОРОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Г. М. Тихонов

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия
e-mail: gtichonov@list.ru

С. Б. Пономарев

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия
e-mail: docmedsb@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме феномена тюремного одиночества. *Актуальность* данного исследования обусловлена тем, что феномен тюремного одиночества лежит в основе пенитенциарного стресса, как сложной психофизиологической реакции организма на пребывание в пенитенциарном пространстве. Одной из функций исполнения наказания как ответа общества на противоправные действия преступника является кара за совершенное преступление, которая выступает в форме индукции душевных страданий человека в результате его искусственного отделения от привычного социального окружения, создания тюремного одиночества. При этом реализуется отмечаемый М. Фуко эффект переноса страданий с тела преступника на его душу. Цель работы предполагает анализ феномена одиночества в условиях мест лишения свободы. Описаны основные характерные черты тюремного одиночества. Показано, что наказание преступника путем лишения свободы, его насильственной изоляции от основного социума основано на механизме создания искусственной тюремной депривации. Отмечено, что одним из атрибутов наказания преступника становится намеренное создание особого типа одиночества – тюремного, вызывающего высокий уровень пенитенциарного стресса. В статье показано, что можно рассматривать два типа тюремного одиночества. Первый предлагается называть «физическим одиночеством», который создается путем физической изоляции осужденного. В основе генерации страданий личности этого типа одиночества лежит эффект нарушения заложенной на генном уровне потребности человека общаться с другими членами социума. Указанный тип тюремного одиночества ведет к изменению психики заключенного, потере им коммуникационных навыков, его медленной эмоциональной и умственной деградации. Второй тип тюремного одиночества (одиночество в толпе) характеризуется тем, что в условиях тюремной изоляции заключенный практически никогда не остается один и постоянно находится под воздействием носителей пенитенциарной субкультуры, оказывающей мощное негативное влияние на личность человека, отбывающего срок наказания. В обстановке, когда интересы сводятся к удовлетворению витальных потребностей, а межличностная агрессия нормой поведения, в самоощущении заключенного превалируют негативные эмоции, доминирующими из которых будет чувство одиночества.

Ключевые слова: пенитенциарная система, пенитенциарный стресс, тюремная депривация, тюремное одиночество, феномен одиночества, физическое одиночество, одиночество в толпе.

Для цитирования: Тихонов Г. М., Пономарев С. Б. Одиночество как один из стрессогенных факторов пенитенциарной системы // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 2. – С. 134–141, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-2-134>.

LONELINESS AS ONE OF THE STRESS FACTORS OF THE PENITENTIARY SYSTEM

G. M. Tikhonov

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia
e-mail: gtichonov@list.ru

S. B. Ponomarev

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
e-mail: docmedsb@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the phenomenon of prison loneliness. The relevance of

this study is due to the fact that the phenomenon of prison loneliness underlies penitentiary stress, as a complex psychophysiological reaction of the body to being in a penitentiary space. One of the functions of the execution of punishment as a response of society to the unlawful actions of a criminal is punishment for a committed crime, which acts in the form of induction of mental suffering of a person as a result of his artificial separation from the usual social environment, the creation of prison loneliness. At the same time, the effect of transferring suffering from the body of the criminal to his soul, noted by M. Foucault, is realized. The purpose of the work involves the analysis of the phenomenon of loneliness in the conditions of places of deprivation of liberty. The main characteristic features of prison loneliness are described. It is shown that the punishment of a criminal by imprisonment, his forcible isolation from the mainstream society is based on the mechanism of creating artificial prison deprivation. It is noted that one of the attributes of punishing a criminal is the intentional creation of a special type of loneliness - prison, causing a high level of penitentiary stress. The article shows that two types of prison loneliness can be considered. The first one is proposed to be called "physical loneliness", which is created by the physical isolation of the convict. At the heart of the generation of suffering of the personality of this type of loneliness is the effect of a violation of the human need inherent at the gene level to communicate with other members of society. This type of prison loneliness leads to a change in the psyche of the prisoner, the loss of communication skills, his slow emotional and mental degradation. The second type of prison loneliness (loneliness in the crowd) is characterized by the fact that in conditions of prison isolation, the prisoner is almost never left alone and is constantly under the influence of carriers of the penitentiary subculture, which has a powerful negative impact on the personality of the person serving the sentence. In an environment where interests are reduced to the satisfaction of vital needs, and interpersonal aggression is the norm of behavior, negative emotions prevail in the prisoner's sense of self, the dominant of which will be a feeling of loneliness.

Key words: penitentiary system, penitentiary stress, prison deprivation, prison loneliness, phenomenon of loneliness, physical loneliness, loneliness in a crowd.

Cite as: Tikhonov, G. M., Ponomarev, S. B. (2022) [Loneliness as one of the stress factors of the penitentiary system]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 134–141, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-2-134>.

Введение

Известно, что основной функцией тюремной системы как социального института является реализация принципа справедливости путем наказания преступника. Возмездие за совершенное преступное действие издревле осуществлялось через причинение различного вида страданий осужденному. В ходе исторического анализа феномена тюрьмы, проведенного французским философом М. Фуко [16], была описана эволюция наказания, как сложной социальной функции. В Европе примерно до середины XIX века наказание преступника осуществлялось преимущественно в виде нанесения физического ущерба его организму путем изощренных пыток, причинения телесной боли,увечий, мучительного доведения до смерти. Смертная казнь, как правило, проводилась в несколько этапов (например, сначала вырывался язык, вспарывался живот, ломались суставы, отрубались конечности и только потом осуществлялось обезглавливание). При этом широко применялась практика публичных наказаний и казней.

К концу XIX века наблюдается значительная трансформация сути феномена наказания: происходит смягчение физических страданий, лишение их элемента публичности. Страдания теперь переносятся с тела преступника на его душу. Меняется механизм наказания: зрелицные казни и публичные пытки уступают место системе закрытых тюремных учреждений, в которых преступники отбы-

вают многолетние сроки заключения (как отмечает М. Фуко, в течение XIX столетия во всех странах Европы наблюдается стремительный рост числа пенитенциарных учреждений, предназначенных для длительного пребывания узников [16]). Эффективность наказания определяется ныне его неотвратимостью, а не жестокостью театральных казней и изуверством пыток. Состояние пенитенциарных систем на конец XX – начало XXI века большинства стран мира характеризуется тем, что основным наказанием за совершенное преступление являются не смертная казнь (отменена в подавляющем большинстве стран мира), не пытки (запрещены повсеместно), не причинение вреда здоровью (в пенитенциарной медицине провозглашен «принцип эквивалентности», согласно которому уровень медицинской помощи в местах лишения свободы должен соответствовать таковому в гражданском здравоохранении), а лишение свободы. М. Фуко констатирует, что пройдя определенные фазы в своем развитии, тюремная система и общество, выносящее приговор, остановились на достижении в качестве основного механизма наказания физической изоляции лица, совершившего преступное действие, от основного социума (с сохранением приемлемых стандартов санитарного и материально-бытового обеспечения) [16]. Изменились и цели наказания: наряду с возмездием за совершенное преступление большее значение стало придаваться исправлению и перевоспитанию преступника. Как отмечает

автор: «на смену палачу, этому прямому анатому страданий, приходит целая армия специалистов: надзиратели, врачи, тюремные священники, психиатры, психологи, воспитатели» [16, с. 46].

Одиночество как компонент пенитенциарного стресса

Необходимо сказать, что лишение свободы часто порождает состояние одиночества, которое является мощной психогенной травмой, связанной с недостатком привычных жизненных ценностей, изменением стереотипов жизни. Наказание преступника путем лишения свободы, насилиственной изоляции от основного социума основано на механизме создания искусственной тюремной депривации. Термин «депривация» (лат. – *deprivatio*) происходит от латинского *privare* (отделять) и означает «лишение или ограничение возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей» [12, с. 11]. Под тюремной депривацией понимается специфический вид социальной депривации, связанной с условиями пребывания в местах лишения свободы [9].

Тюремная депривация вбирает в себя практически все известные в медицине и психологии виды деприваций (сенсорной, двигательной, психической, эмоциональной, сексуальной, информационной). В шкале стрессогенности Холмса и Рагге [17] лишение свободы занимает третье место; по выраженности и силе негативных эмоций оно сравнимо с разрушением жилища, потерей близкого человека, последствиями катастрофы [5]. Таким образом, в ходе реализации наказания в виде лишения свободы происходит перенос страданий в область внутреннего мира человека (что по существу также является пыткой, но пыткой неявной, изощренно-жестокой, психологической, растянувшейся на многие годы заточения).

В условиях отбывания наказания на человека воздействует множество различных негативных факторов, которые условно можно разделить на психологические, физические и физиологические. Важнейшей комплексной тюремной детерминантой, вбирающей психологические, физические и физиологические компоненты, является т. н. пенитенциарный стресс, который расценивается исследователями как сложная психофизиологическая реакция организма на пребывание в местах лишения свободы [15].

В качестве физиологических и физических факторов тюремной среды можно выделить нарушение ритма сна и бодрствования, гипокинезию, сенсорный голод, недостаток свежего воздуха и естественной инсоляции, переполненность тюремных помещений, высокую концентрацию болезнетворных микробов. К числу негативных психологических факторов пенитенциарной среды относят монотонность существования заключенного, недоброжела-

тельность окружения, скучные бытовые условия, погружение в криминальную субкультуру, психологическое давление как со стороны персонала исправительного учреждения, так и со стороны неформальных тюремных групп [5]. Арестант испытывает широкий спектр негативных эмоций. «Именно груз эмоциональных переживаний, связанных с совершением преступления, страхом разоблачения, муками совести, ожиданием ареста, заключением под стражу, пребыванием в следственном изоляторе, судом, этапированием к месту лишения свободы, знакомством с тюремным бытом и условиями содержания является мощным, часто – запредельным, стрессором, вызывающим «сшибку» нормальных психологических и физиологических процессов» [12, с. 22]. В результате в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы заключенные подвержены депрессии. У них развивается уныние, ослабление воли, ощущение потери смысла жизни, нередко – тяга к самоубийству. Доминирующим чувством у человека, отбывающего наказание в виде лишения свободы, является одиночество.

В психологии традиционно одиночество трактуется как один из видов тензионного состояния, то есть состояния, отражающего степень напряжения, вызывающего дезадаптацию человека, тоску, острый психический и физический дискомфорт [14]. Хотя одиночество имеет амбивалентную природу и может в ряде случаев обрачиваться своей положительной стороной, в большинстве случаев этот феномен несет разрушительное начало и в целом оценивается негативно. Известно, что постоянными и устойчивыми ощущениями, которые испытывает заключенный, являются страх, чувство тревоги, тоски и неуверенности в завтрашнем дне [12]. В условиях хронического пенитенциарного стресса у осужденных развиваются неуравновешенность и неустойчивость настроения, отмечаются депрессивные проявления, враждебность, ослабление когнитивных функций [14], повышается риск пограничных психических расстройств [10]. При длительном пенитенциарном стрессе заключенный часто не может себя контролировать, у него появляются невротические расстройства и реактивные состояния. Лежащее в основе пенитенциарного стресса одиночество можно определить как «болезненное осознание внутренней отделенности от других людей и возникающая на этом основании тоска по человеческой связи и придающим жизни смысл отношениям» [13, с. 11].

Два типа одиночества, характерные для пребывания в условиях мест лишения свободы.

Первый тип: «физическое одиночество»

Тюремное одиночество можно рассматривать с двух позиций. Первая составляющая рассматриваемого феномена – это одиночество, созданное

искусственно, вследствие содержания заключенного в одиночной камере, штрафном изоляторе (ШИЗО), помещении камерного типа (ПКТ). Такой тип одиночества можно назвать физическим, так как в его генезе лежит создание эффекта одиночества путем полной физической изоляции. Стремление общаться с другими людьми заложено в самой природе человека, детерминировано на генном уровне. Многодневная социальная депривация неизбежно приводит к нарушению психики, сужению интересов, деструкции эмоциональной сферы, потере коммуникационных навыков, постепенной деградации. Эта особенность человеческой психики издревле использовалась при исполнении приговора – для нанесения преступнику страданий посредством искусственно созданного одиночества как суворой меры исполнения наказания за совершенные преступления. Содержание заключенных в одиночных камерах, темницах, каменных мешках, клетках, склепах, лишение их полноценного общения друг с другом – все это с незапамятных времен входило в арсенал большинства тюремных систем мира.

Нет никакого сомнения в том, что длительное одиночное заключение представляет собой изощренный вид пытки, использующей физиологическую особенность человека, а именно невозможность длительно пребывать в состоянии глубокой социальной, сенсорной и информационной депривации [12].

Видный ученый-пенитенциарист М. Н. Гернет, изучая историю царской тюрьмы, описал случаи, при которых находившиеся в условиях одиночной камеры узники известных Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей сходили с ума, деградировали, теряли дар речи [2].

Еще в начале XX века отечественные клиницисты С. С. Корсаков и Э. Крепелин описали специфическую форму душевного расстройства – тюремный психоз, который развивался во время пребывания заключенного в одиночной камере [6]. В последующем их наблюдения получили многочисленные подтверждения [3, 7, 11]. Вот как описывает свое нахождение в одиночной камере известный революционер Ф. Э. Дзержинский: «Прошло три недели полного одиночества. Результаты этого уже начали сказываться. Я не мог свободно говорить. Я не мог вспомнить самых обыкновенных слов, как, например, записная книжка, голос мой дрожал, я чувствовал внутреннюю дрожь во всем теле. Мысли путались. Я отвык от людей, был выбит из равновесия моего одиночества и в течение 10–15 минут не мог найти себя» [4, с. 34].

На принципе физической тюремной депривации был основан т.н. «пенсильванский проект». В XVIII веке в американском штате Пенсильвания работала тюрьма, в которой всего 5 тюремных надсмотрщи-

ков контролировали 288 заключенных (что, помимо создания невыносимых для узников условий, давало значительную экономию расходов на содержание пенитенциарного учреждения). Чарльз Диккенс, посетивший Пенсильванскую тюрьму, писал по поводу страданий человека, помещенного в это исправительное учреждение: «Его имя, его преступление, срок его страдания неизвестны даже тюремщику, который приносит ему раз в день пищу. На двери его камеры имеется номер. И такой же номер стоит в книге, один экземпляр которой хранится у начальника тюрьмы, а другой – у духовного наставника – это ключ его истории. Кроме как на этих страницах, вы не найдете в тюрьме никаких указаний на его существование, и, проживи он в одной и той же камере хоть десять томительных лет, ему так и не придется узнать, вплоть до последнего часа, в какой части здания он находится, какие люди его окружают» [цит. по 11, с. 277].

Логичным продолжением «пенсильванской модели» является практикуемая в США «филадельфийская модель», которая предусматривает содержание заключенных в условиях абсолютной изоляции друг от друга, в одиночных камерах. Немногим отличаясь от нее, «оборонская модель» предписывает содержание арестанта в одиночной камере ночью, совместную работу и принятие пищи днем при условии абсолютного молчания заключенных.

Среди тюремных систем других государств крайней жестокостью в плане тюремной депривации отличается пенитенциарная система Японии. Здесь заключенным запрещено не только разговаривать, но и просто смотреть друг на друга. Нарушение этого правила ведет за собой физическое воздействие (применение спец. средств: электрошокера, резиновой дубинки) и помещение в карцер, в котором человек должен в течение 8–10 часов (!) неподвижно сидеть в неудобной позе.

Два типа одиночества, характерные для пребывания в условиях мест лишения свободы. Второй тип: «одиночество в толпе»

Второй тип тюремного одиночества это, так называемое, одиночество в толпе. Классический пример такого одиночества описан в рассказе Э. По «Человек толпы» [18]. В этом произведении автор повествует о том, как он, отдохнув вечером в кафе и наблюдая за движущейся за окнами толпой, заинтересовался личностью одного прохожего – диковинного вида старика. Рассказчик начинает преследование загадочного субъекта, которое продолжается всю ночь, с вечера до утра. Все это время старик постоянно находится в хаотичном движении, бесцельно бредет через лондонские трущобы, рынки и магазины, ни с кем не разговаривая, ничего не покупая. В конце рассказа Э. По делает вывод что старик – «человек толпы», которому страшно

остаться наедине с самим собой. Он, как пишет автор, есть живое воплощение тягчайших преступлений. С одной стороны, этому человеку, несущему в душе груз неискупленных грехов, необходимо все время находиться в толпе, спасаясь от одиночества и мук совести. С другой стороны – именно в толпе он одинок.

Подобное наблюдается и в среде осужденных. В условиях тюремной изоляции, как отмечает С. В. Познышев, заключенный никогда не остается один, он постоянно «находится в атмосфере циничных выходок и разговоров, безвозвратно растворяется в среде арестантов» [8, с. 123]. В местах лишения свободы сконцентрированы представители маргинальных слоев общества. Это связано с тем, что достаточно большое число преступлений совершается людьми с дезадаптивным развитием психики, склонными к девиантному поведению. В тюремной среде доминируют профессиональные преступники, носители криминальной субкультуры, оказывающей мощное негативное действие на личность человека, отбывающего срок наказания. Данная субкультура характеризуется:

- жестокостью по отношению к слабым;
- отсутствием чувства сострадания к людям;
- нечестностью и двурушничеством;
- паразитизмом и тунеядством;
- вымогательством у лиц, стоящих на низших ступенях тюремной иерархии;
- приверженностью к картежным играм, алкоголю, наркотикам как средствам сплочения преступного сообщества;
- противоестественными сексуальными отношениями.

Естественно, что в условиях превалирования тюремной субкультуры не может идти речь ни о каких доверительных отношениях между заключенными. «*Homo homini lupus est*» – это девиз отбывающих наказание в виде лишения свободы, который часто встречается среди тюремных татуировок [1]. Каждый сам за себя, никому нельзя доверять, любой может предать, надо надеяться только на свои силы. Тюремные «семьи», арестантское братство, верность воровским законам, блатная романтика – это химеры, предназначенные для простаков. Реально же в стае, называемой тюремным социумом, каждый арестант фатально одинок. Интересы личности сводятся здесь к удовлетворению простейших витальных потребностей, межличностная агрессия является нормой поведения, в самоощущении превалируют чувства страха, неуверенности в завтрашнем дне, неверия, тревоги, обреченности. Все это выражается в тюремных лозунгах, в виде татуировок, нанесенных на тела заключенных: «Умри сегодня ты, завтра я», «Я уже труп», «Не верь, не бойся, не проси» и т. п. [1].

Характерные для базовой культуры общества социальные модели, мировоззрение, привычные паттерны поведения утрачивают в местах лишения свободы свою значимость и эффективность, заменяются на диктуемые тюремной субкультурой стереотипы. Тяга к утраченной свободе, привычному социальному окружению, прерванным связям с родными и близкими людьми, к привычному укладу жизни – все это обостряется в обстановке, царящей в местах лишения свободы, выливаясь в сплав эмоций, доминирующей из которых является чувство одиночества.

Следует отметить, что все сказанное справедливо для оказавшегося в местах лишения свободы человека, ранее устойчиво интегрированного в традиционную культуру общества. Вместе с тем, есть особая категория «профессиональных» преступников (часто именно они верховодят в коллективах осужденных), для которых пребывание в тюремных условиях является не только нормой, но и обязательным условием криминальной карьеры. Нахождение в тюремной среде для них естественно и не вызывает негативных эмоций. Указанное явление (т. е. тяга к пребыванию в местах лишения свободы) называется призонизацией [12]. Для этой категории граждан нахождение в исправительном учреждении не является стрессом и, следовательно, у них отсутствует страх перед исполнением приговора. В результате исправительное действие института исполнения наказаний теряет для этой социальной группы свою эффективность.

Выводы

1. Наказание преступника путем лишения свободы, насильтвенной изоляции от основного социума основано на механизме создания искусственной тюремной депривации, вбирающей в себя все известные в медицине и психологии виды деприваций (сенсорная, двигательная, психическая, эмоциональная, сексуальная, информационная, социальная).

2. Одним из атрибутов наказания преступника является намеренное создание особого вида одиночества – тюремного, которое характеризуется высоким уровнем пенитенциарного стресса. При исполнении наказания в виде лишения свободы происходит постоянная индукция душевных страданий человека, что можно оценить как растянувшуюся на многие годы психологическую пытку. При этом реализуется отмечаемый М. Фуко эффект переноса страданий с тела преступника на его душу.

3. Существуют два типа тюремного одиночества. Первый тип можно назвать «физическими одиночеством», так как оно создается путем физической изоляции осужденного. В основе генерации страданий личности при этом виде одиночества лежит эффект нарушения заложенной на генном

уровне потребности человека общаться с другими членами социума. Указанный тип тюремного одиночества ведет к изменению психики заключенного, потере коммуникационных навыков, медленной эмоциональной и умственной деградации.

4. Второй тип тюремного одиночества (одиночество в толпе) характеризуется тем, что в условиях тюремной изоляции заключенный практически никогда не остается один и постоянно находится

под воздействием носителей пенитенциарной субкультуры, оказывающей мощное негативное влияние на личность человека, отбывающего срок наказания. В обстановке, когда интересы сводятся к удовлетворению витальных потребностей, а межличностная агрессия нормой поведения, в самоощущении заключенного превалируют негативные эмоции, доминирующей из которых будет чувство одиночества.

Литература

1. Балдаев Д. С. Татуировки заключенных, скопированные и собранные ветераном МВД СССР Балдаевым Д. С. с 1948 по 2000 г./ СПб.: Лимбус Пресс, 2001. – 168 с.
2. Гернет М. Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. – М.: Право и жизнь, 1925. – 148 с.
3. Гордеева О. В. Измененные состояния сознания при сенсорной депривации // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2004. – № 1. – С. 70–87.
4. Дзержинский Ф. Э. Из дневника / М.: Молодая гвардия, 1939. – 128 с.
5. Ермасов Е. В. Психологический стресс в условиях изоляции // Развитие личности. – 2009. – № 2. – С. 85–99.
6. Кербиков О. В. Избранные труды. – М. : Медицина, 1971. – 313 с.
7. Маслов И. А. Влияние фактора изоляции на психическое состояние // Проблемы сенсорной изоляции – М., 1970. – С. 39–40.
8. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. – М., Главлит, 1923. – 421 с.
9. Пономарёв С. Б., Бурт А. А., Бухтояров О. В. Тюремная депривация как фактор пенитенциарного стресса // Здоровье и образование в XXI веке. – 2017. – Т. 19. – № 11. С. – 160–165.
10. Сандомирский М. Е. Диагностика психологической адаптации осужденных с учетом личностно-типологических особенностей // Молодежь – науке будущего. – Набережные Челны: КПИ, 2000. – С. 295–297.
11. Семкэ В. Я., Гусев С. И., Снигирева Г. Я. Пенитенциарная психология и психопатология / М., Томск; Кемерово, 2007. – т. 1. – 578 с.
12. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте / С. Б. Пономарев [и др.]. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 148 С.
13. Тихонов Г. М. Одиночество: стереотип и реальность / Ижевск: ИжГТУ, 2005. – 376 с.
14. Хрящова Н. Ю. Психические состояния при изоляции // Психические состояния / Сост. и общ. ред. Л. В. Куликова. – СПб., 2000. – С. 407–413.
15. Чирков А. М. Пенитенциарный стресс// Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 8. С. 47–55.
16. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. – Paris : Gallimard, 1975. – 328 p.
17. Holmes T. H., Rahe R. H. The Social Readjustment Rating Scale // J. of Psychosomatic Research. – 1967. – V. 11. – P. 213–218.
18. Poe E. A. The Man of the Crowd/ Independently Published, 2018. – 30 p.

References

1. Baldaev, D. S. (2001) Tatuirovki zaklyuchennyh, skopirovannye veteranom MVD SSSR Baldaevym D. S. s 1948 po 2000 g. [Tattoos of prisoners, copied and collected by a veteran of the USSR Ministry of Internal Affairs Baldaev D. S. from 1948 to 2000]. SPb.: Limbus Press, 168 p.
2. Gernet, M. N. (1925) V tyur'me: Ocherki tyuremnoj psihologii [In Prison: Essays on Prison Psychology]. M.: Law and life, 148 p.
3. Gordeeva, O. V. (2004) [Altered states of consciousness in sensory deprivation]. Izmenennye sostoyaniya soznaniya pri sensornoj deprivacii [Bulletin of Moscow University. Episode 14: Psychology]. Vol. 1, pp. 70–87. (In Russ.).
4. Dzerzhinskij, F. E. (1939) Iz dnevnika [From a diary]. M.: Young guard, 128 p.
5. Ermakov, E. V. (2009) [Psychological stress in isolation]. Razvitiye lichnosti [Personal development]. Vol. 2, pp. 85–99. (In Russ.).
6. Kerbikov, O. V. (1971) Izbrannye trudy [Selected writings]. M. : Medicine, 313 p.
7. Maslov, I. A. (1970) [The influence of the isolation factor on the mental state]. Problemy sensornoj izolyacii [Sensory Isolation Issues]. M., pp. 39–40. (In Russ.).

-
8. Poznyshev, S. V. (1923) *Osnovy penitenciarnoj nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. M.: Glavlit, 421 p.
 9. Ponomarev, S. B., Burt, A. A., Buhtoyarov, O. V. (2017) [Prison deprivation as a factor of penitentiary stress]. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke* [Health and education in the XXI century]. Vol. 11, pp. 160–165. (In Russ.).
 10. Ponomarev, S. B. et al. (2008) *Sindrom tyuremnoj socialnoj deprivacii v molodom vozraste* [Syndrome of prison social deprivation at a young age]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 148 p.
 11. Sandomirskij, M. E. (2000) [Diagnosis of psychological adaptation of convicts, taking into account personal and typological features]. *Molodezh' – nauke budushchego* [Youth for the science of the future]. Naberezhnye Chelny: KPI, pp. 295–297. (In Russ.).
 12. Semke, V. Ya., Gusev, S. I., Snigireva, G. Ya. (2007) *Penitenciarnaya psihologiya i psihopatologiya* [Penitentiary psychology and psychopathology]. M., Tomsk, Kemerovo, Vol. 1, 578 p.
 13. Tihonov, G. M. (2005) *Odinochestvo: stereotip i real'nost* [Loneliness: stereotype and reality]. Izhevsk: IzhGTU, 376 p.
 14. Hryashchova, N. Yu. (2000) [Mental states during isolation] In: *Psichicheskie sostoyaniya* [mental states]. SPb., pp. 407–413. (In Russ.).
 15. Chirkov, A. M. (2009) [Penitentiary stress]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the institute: crime, punishment, correction]. Vol. 8, pp. 47–55. (In Russ.).
 16. Foucault, M. (1975) *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris: Gallimard, 328 p.
 17. Holmes, T. H., Rahe, R. H. (1967) The Social Readjustment Rating Scale. *J. of Psychosomatic Research*. Vol. 11, pp. 213–218. (In Eng.).
 18. Poe, E. A. (2018) *The Man of the Crowd*. Independently Published, 30 p.

Информация об авторах:

Геннадий Михайлович Тихонов, доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук, Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Ижевск, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1587-9065
e-mail: gtichonov@list.ru

Сергей Борисович Пономарёв, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Ижевск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-9936-0107, **Researcher ID:** I-2905-2018
e-mail: docmedsb@mail.ru

Вклад соавторов:

1. Аннотация: Тихонов: 60%, Пономарев: 40%
2. Введение: Тихонов: 40%, Пономарев: 60%
3. Одиночество как компонент пенитенциарного стресса: Тихонов: 60%, Пономарев: 40%
4. Два вида одиночества, характерные для пребывания в условиях мест лишения свободы. Первый вид: «физическое одиночество»: Тихонов: 40%, Пономарев: 60%
5. Два вида одиночества, характерные для пребывания в условиях мест лишения свободы. Второй вид: «одиночество в толпе»: Тихонов: 60%, Пономарев: 40%
6. Выводы: Тихонов: 40%, Пономарев: 60%

Статья поступила в редакцию: 23.01.2022; принята в печать: 09.03.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Gennady Mikhailovitch Tikhonov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social sciences, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1587-9065
e-mail: gtichonov@list.ru

Sergey Borisovitch Ponomarev, Doctor of Medical Sciences, Professor, chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Izhevsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9936-0107, **Researcher ID:** I-2905-2018
e-mail: docmedsb@mail.ru

Contribution of the authors:

1. Abstract: Tikhonov: 60%, Ponomarev: 40%
2. Introduction: Tikhonov: 40%, Ponomarev: 60%
3. Loneliness as a component of penitentiary stress: Tikhonov: 60%, Ponomarev: 40%
4. Two types of loneliness characteristic of staying in places of deprivation of liberty. The first type: «physical loneliness»: Tikhonov: 40%, Ponomarev: 60%
5. Two types of loneliness characteristic of staying in places of deprivation of liberty. The second type: «loneliness in a crowd»: Tikhonov: 60%, Ponomarev: 40%
6. Conclusions: Tikhonov: 40%, Ponomarev: 60%

The paper was submitted: 23.01.2022.

Accepted for publication: 09.03.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.